УДК 94(470):34
DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00011

О. М. Морозова

Государственное строительство казачьего Юга в 1917–1919 гг. Проекты и реальность*

Страницы истории, связанные с идеей Юго-Восточного союза (ЮВС), содержат совсем немного исторических событий — этот проект так и остался на бумаге. Они показательны тем, как причудливо переплетаются столкновение сиюминутных интересов и устойчивых представлений о справедливом жизнеустройстве. До 1917 г. у кубанцев и донцов был опыт организации объединенных органов, например Доно-Кубанского комитета Всероссийского земского союза, созданного в годы Первой мировой войны для помощи тыла фронту. В период боевых действий с центральными державами он еще работал, а затем, продолжая формально существовать при Донском казачьем правительстве, воспринимался как бессильное учреждение.

После Февральской революции, принятой на Дону восторженно, казаки приступили к возрождению традиционных форм управления войском с учетом новых условий жизни. В апреле прошел подготовительный круг, установивший правила выборов в войсковой круг, который должен был избрать атамана. 26 мая — 18 июня 1917 г. был собран наделенный всеми полномочиями Донской войсковой круг 1-го созыва. Он принял постановление, отражавшее взгляды казаков на оптимальное для них государственное устройство России: неделимая, но с широким местным самоуправлением для отдельных ее ча-

* Статья написана в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-00115 «Социально-политический диалог в послефевральской и послеоктябрьской России (1917–1918): тенденции, механизм, региональные особенности».

стей. Войско Донское провозглашалось неотделимой частью России с правом законодательства по местным делам, не противоречащего общим основным законам, но и «с правом самостоятельного распоряжения землями, недрами и угодьями, принадлежащими Донской войсковой казачьей общине»[1]. Это решение задало ту ось, от которой могла отклоняться позиция любой из казачьих групп — и в сторону централизации, и в сторону автономии (или федератизма, как тогда говорили).

Юго-Восточный союз генетически происходит из казачьих конференций фронтовиков и мартовского Общеказачьего съезда, сформировавшего Союз казачьих войск. Первая из казачьих конференций прошла 20 сентября 1917 г. в Екатеринодаре. Она воспринималась как пробная площадка для рассмотрения вопросов, решения которой будут иметь рекомендательный характер, а потому запутанные или потерявшие актуальность проблемы передавались ей на обсуждение. Например, когда из-за ухудшения отношений с Донисполкомом казаки отказались на время от обсуждения вопроса о введении земства на Дону, он был передан на казачью конференцию. Вторая конференция состоялась ровно через месяц во Владикавказе как Учредительный съезд Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Тогда зазвучали в полный голос обвинения казаков в сепаратизме. К тому моменту на Дону сложилось двоевластие в лице войскового правительства и Донского облисполкома. За несколько дней до вооруженного восстания в Петрограде в сообщении уже обессилевшему Временному правительству председатель Донисполкома В. В. Брыкин многозначительно цитировал куски из публичных выступлений первого выборного атамана А. М. Каледина, в частности такое: «Чтобы устоять, пережить ужасное время, мы, Войсковое правительство, ведем определенную политику, объединившись с другими казачьими войсками, чтобы спасти нас и, насколько возможно, родину»[2].

Учредительный съезд Юго-Восточного союза закончил работу за четыре дня до октябрьского переворота в Петрограде. Речь о противостоянии большевикам не шла. Основной задачей союза была защита от «надвигающейся волны анархии» — препятствование разрыву экономических связей региона, охрана коммуникаций, в особенности железнодорожных путей.

Выбор Владикавказа местом встречи был обусловлен тем, что железнодорожная линия на территории Чечни была практически перерезана. Война с горцами началась еще в мае 1917 г., когда на базаре в Грозном произошла стычка между солдатами и чеченцами. Последовали нападения на проходившие составы, заполыхали грозненские нефтепромыслы, подвоз нефтепродуктов из Баку прекратился. 1917 г. был неурожайным, и осенью многие регионы оказались на пороге голода, поэтому обе донские областные власти 20 октября (в день учреждения ЮВС) приняли консолидированное решение о запрете вывоза хлеба с территории области войска Донского[3]. В то же время был создан Закавказский сейм. Основным из его реализованных решений было создание

«контрольных рот», которые направлялись в Дербент, Порт-Петровск, Батум для предотвращения вывоза муки с Кавказа.

Переворот в Петрограде не был признан в казачьих областях, но дал импульс самоорганизации войска как доминирующей властной вертикали на территории Дона. Атаман Каледин передал в округа приказ об организации дружин казаков-добровольцев для обороны и охранения порядка[4]. Приказ создает впечатление документа оперативного реагирования на переворот в столице и топливный кризис, а не декларации сепаратистских устремлений[5]. Управа Донисполкома 26 октября протянула атаману и кругу руку с предложением сформировать в Донской области объединенный орган власти[6]. В тот же день было объявлено о принятии Войсковым правительством всей полноты власти на Дону.

События заставляли Каледина колебаться. 29 октября 1917 г. он отказал генералу Н. Н. Духонину в посылке казачьих частей в Москву для подавления большевистского восстания, мотивируя это тем, что такое решение противоречит постановлениям круга, настроениям казачества и явным признакам близкой победы над большевиками. Отказ последовал и на просьбу о помощи из Саратова. Через два дня атаман объявил о необходимости переходить к активной борьбе с большевиками вне пределов Донской области[7], а спустя четыре дня этот приказ был отменен: к этому подтолкнули ситуация в области, особенно в промышленных центрах и северных округах и успешная большевистская пропаганда в казачьих частях.

Донисполком поддерживал идею создания ЮВС, видя в ней форму коалиционной (межсословной) власти. В первые дни ноября 1917 г. в Новочеркасске состоялось собрание представителей областей и городов Юго-Восточной России для выработки общего отношения к событиям в центре и решения судеб региона. Дон представлял председатель Донской областной продовольственной управы М. С. Воронков. Была одобрена идея создания «союзной власти Юго-Востока России, которая, поставив себе дальнейшею целью возрождение России, вначале работала бы по объединению представляемого ею района»[8]. ЮВС становился формой обособления от разразившейся в центре смуты.

С конца ноября 1917 г. казаки были вынуждены считаться с новым политическим фактором областной жизни. У командования прибывавших на Юг офицеров были другие взгляды на Юго-Восточный союз. Оно видело его плацдармом для консолидации сил и будущего наступления на центр страны. Генерал М. В. Алексеев вынужден был согласиться с обозначенной «хозяевами» тактикой, утешаясь тем, что в перспективе Союз может стать центром возрождения российской государственности[9].

Дон надеялся сохранить независимость от большевистского центра. 25 ноября делегация представителей Дона в Совете Союза казачьих войск встретилась с членами Петроградского ВРК, чтобы выяснить отношение советской власти к казачеству. Позиция Дона сводилась к следующему: «Казачество не жела-

ет распространять свое влияние за пределы Дона. Правда, казачество новую власть не признает, но, если б Учредительное Собрание подобралось большевистское, оно считает обязанным подчиниться только как федеративная республика, оставляя за собой право на самоопределение. Проект о самоуправлении областей был принят еще до событий (октябрьских. — *О. М.*) и фактически уже проводится в жизнь давно». По поводу ЮВС было заявлено: «Юго-Восточный Союз — это чисто экономический союз. Если государство (т. е. петроградская власть. — *О. М.*) не уважит его, тогда союз будет принимать политическую окраску»[10].

Большевикам нужен был нейтралитет казаков. Желания казаков совпадали с их представлениями о решении национального вопроса. Но в составе донской делегации находились и оппоненты войскового правительства, которые не преминули напомнить о реакционной репутации атамана Каледина. В результате 25 ноября было принято воззвание СНК «Ко всему населению», в котором говорилось о заговоре генералов «на Урале, Дону и других местах». Контрреволюционные отряды объявлялись вне закона[11]. Отряды большевистских черноморских моряков двинулись на подавление контрреволюционных «гнезд» на Дону, Кубани, Оренбуржье.

В это время в Ростове-на-Дону произошло столкновение, спровоцированное приходом отряда революционных кораблей из Севастополя в Таганрог и Ростов. Матросы-делегаты заявили, что не являются врагами казачества, а прибыли лишь защищать неказачье население. Реакцию областной власти описал в докладе Войсковому кругу А. М. Каледин: «Войсковой атаман выразил свое недоумение по поводу того, что Черноморский флот считает возможным вмешиваться вооруженной силой во внутренние дела *автономной* (выделено мною. — *О. М.*) Донской области и посягать на свободу ее самоуправления, признанную за всеми частями Российской республики»[12]. Каледин назвал нападение на помещение ВРК в ночь на 26 ноября вызванным сведениями о планируемом на эту ночь разоружении офицерских отрядов в Ростове. В следующие дни были разгромлены красногвардейские дружины города.

В декабре 1917 — начале января 1918 г. Кубань ощущала себя в стороне от происходящего. Значительная часть кубанских вождей считала себя эсерами, а Кубань — демократическим государством. Формирующиеся под командованием русских офицеров отряды они рассматривали как преследующие «реставрационные» цели. Так продолжалось до боя с новороссийскими рабочими у станции Энем 20 января 1918 г. Между тем, Терское войско погрузилось в кровавую междоусобицу с другими номинальными членами Юго-Восточного союза — ингушами и чеченцами.

На декабрь пришелся краткий период попыток устройства жизни южной окраины в отрыве от центра. Предполагалось это делать на основе натурального обмена: Дон мог предложить уголь, Кубань — хлеб и масло, Екатеринослав — метизы, Астрахань — рыбу. В политической области возникли идеи

конструирования собственной верховной власти на базе ЮВС. Председатель Всероссийского фронтового казачьего съезда в Киеве П. М. Агеев (член Донского войскового правительства) озвучил идею присоединения к союзу и Украинской рады, и Всероссийского крестьянского союза, и общеармейской организации при Ставке, т. е. всех организаций, не пошедших вместе с большевиками.

С февраля по май 1918 г. Дон участия в развитии идеи ЮВС не принимал, так как существовала Донская советская республика, ориентировавшаяся на союз с другими советскими республиками. Создание Донской советской республики, наряду с другими республиками входящей в федеративную социалистическую Россию, соответствовало ожиданиям казаков. Председатель СНК Донской советской республики С. И. Сырцов на заседаниях 1-го съезда республики (13–14 апреля 1918 г.) говорил о советской федерации: «Вы знаете, что политическая обстановка заставила нас разделиться для облегчения своих задач: не имея возможности разрешить их в общегосударственном масштабе, Российская республика нашла выход в том, что разбилась на отдельные участки, и в каждом повелось особое правление. <...> эти республики будут объединены с российским центром, и федерация эта будет прочна и составит федеративное социалистическое государство. <...> Вы можете вступить в единение с другими — Кубанской, Терской и др[угими]. Совет Народных Комиссаров своим декретом намечает такую форму. Образуется Чрезвычайный комиссариат южных республик. Сюда Совет Народных Комиссаров командирует своего комиссара и под председательством его образуется комиссариат, который будет являться органом, связующим все республики и будет решать все вопросы, касающиеся целого»[13].

На 1-м съезде Советов Донской республики (13–14 апреля 1918 г.) выяснилось, что казаки не приемлют выборов по партийным спискам, предпочитая традиционную схему — по округам, как всегда формировались полки, — по земляческому принципу. Большевики проявили гибкость, предложив выборы производить по фракционным спискам, а списки составлять по округам. И всё же советская власть на Дону устанавливалась под лозунгом решительной унификации. Советские инструкторы требовали немедленного слияния казаков и крестьян и немедленного же раздела земли и имущества между теми и другими. Казаки пытались объяснить, что земля не их, а войсковая и судьба ее должна решаться на областном уровне, а не местным советом. Другим веским аргументом против немедленного передела был начавший сев[14].

Оснований считать причиной падения Донской республики изменение настроений массы казаков недостаточно. Кривянское антисоветское восстание казаков имело все шансы быть подавленным. Его инициаторами были не успевшие уйти вместе с походным атаманом П. Х. Поповым и укрывшиеся в станице офицеры, а движущей силой — казаки-старики. Определяющую роль в его успехе сыграло продвижение германской армии: не остановившись у границ области, немецкая дивизия вошла в западные станицы Донецкого округа, в Таганрог и Ростов.

Формула «власть валялась под ногами, нужно было просто взять» сработала и в этом случае. Круг спасения Дона избрал атаманом П. Н. Краснова. Донское войсковое правительство получило название Совета управляющих отделами. Его главой стал управляющий Отделом иностранных сношений А. П. Богаевский. Приказом атамана от 20 мая 1918 г. было объявлено о временной отмене законов, принятых Временным правительством. О Всевеликом войске Донском говорилось как о «благодаря историческим событиям поставленном в условия суверенного государства»[15]. Функции бывших комиссаров Временного правительства были переданы управляющему Отделом внутренних дел[16]. Атаман, избранный кругом, был выборным главой государства и главнокомандующим.

Эвакуация учреждений Донской советской республики, восстановление войсковой власти и установление оккупационной администрации в Ростове-на-Дону и в Таганроге произошли синхронно, что оказало влияние на процесс государственного строительства на Дону. Темой одной из первых встреч донцов с германскими офицерами стало выяснение линии самоопределения области. Командующий занявшей район Ростова дивизии генерал Фроман задал казачьей депутации вопрос: «Признает ли Дон себя самостоятельной республикой?» И получил ответ: «Мы признаем себя частью России, но не признаем большевистского правительства»[17].

Новая ситуация вызвала внешнеполитическую активность вновь избранного атамана П. Н. Краснова. В письме кайзеру Вильгельму II (не позднее 10 июля 1918 г.), Дон назывался страной и «молодым государственным организмом», который по договоренности с атаманами Астраханского и Кубанского войск готов составить федеративное государство — Доно-Кавказский союз, в который войдут помимо этих войск Терское войско, а также народы Северного Кавказа. Главным принципом союза станет недопущение на своей территории военных действий и политический нейтралитет. В связи с этим Краснов просил кайзера признать право войска Донского на самостоятельное существование в прежних границах и разрешить спор между ним и Украиной по поводу Таганрогского округа, а также ходатайствовал о присоединении к Дону «по стратегическим соображениям» Воронежа, Царицына, Камышина, станций Лиски и Поворино. Он также просил об оказании давления на советское правительство для отвода войск с территории, которой предполагалось быть включенной в Доно-Кавказский союз. В этом случае Дон готов был пойти на заключение мирного договора с РСФСР[18].

По сведениям разведки Добровольческой армии, на следующий день после избрания атаманом Краснов намеревался отправить в Москву на имя СНК письмо, в котором предлагал заключить межгосударственное соглашение[19]. Эта позиция не могла не обеспокоить руководство Добровольческой армии, у которой иной, кроме территории казачьих войск, базы не было. Вместе с тем кубанцы в отношении вступления в союз занимали уклончивую позицию, чувствуя себя защищенными с севера спинами соседей, а также под давлением

Добровольческой армии, которой подобное государственное строительство было не по вкусу.

В чем отличие Доно-Кавказского Союза (ДКС) от ЮВС? Его название, по мнению А. И. Деникина, должно было означать отсутствие смысловой привязки к российскому центру. Борьба с большевизмом была названа ключевой целью ДКС. В продолжающейся мировой войне союз занимал нейтральную позицию. Среди субъектов соглашения отсутствовали степные народы Терского края и Ставропольской губернии, вероятно, как имевшие слабый военный потенциал. Во главе союза должен был стать Верховный совет, состоящий из атаманов войск и главы Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, избирающих из своей среды председателя. ДКС должен был иметь общий кабинет министров. Предполагалось создание общего выборного органа парламентского типа, общих вооруженных сил под единым командованием, общей денежной единицы и пр. Проект ДКС зафиксировал широкие экспансионистские намерения казачьих войск: в состав территории союза должны были войти Ставропольская и Черноморская губернии, Сухумский и Закатальский округа, южная часть Воронежской губернии со станцией Лиски и г. Воронежем, а также часть Саратовской губернии с городами Камышином, Царицыном и с колонией Сарепта. Этот союз, по мысли Краснова, должен был сыграть роль крепкого тыла его армии[20]. Деникин, армия которого в этом документе не упоминалась, внес поправки в проект, который не поддержали ни кубанцы, ни горцы. Идея ДКС тихо умерла. Кубанская краевая рада и Донской войсковой круг предложили восстановить ЮВС[21]. Но в течение года этот вопрос не был переведен в практическую плоскость.

Тем временем Дон и Кубань явочным порядком перешли к торговым отношениям по типу межгосударственных. Кубань просила у Дона снаряды и патроны, получаемые из Германии, в обмен на зерновой хлеб, постное масло, саломас[22]. Вооружение попадало на Дон не в виде дара, а взамен продовольствия и сырья, отправляемых в Германию[23].

Дон укреплял свой суверенитет. Краснов неоднократно подчеркивал, что имеет одну цель — создание сильного государства — Всевеликого войска Донского[24]. Донцы с сочувствием посматривали на кубанцев, которые, по их мнению, лишились значительной части суверенитета, приняв в Екатеринодаре штаб Главнокомандующего. Осенью 1918 г., после освобождения от Красной армии территории Кубани, отношения расположившихся там двух властей выглядели запутанными. Председатель совета управляющих отделами ВВД А. П. Богаевский писал своему представителю на Кубани: «Здесь, вдали, нам кажется, что Добр[овольческая] и Кубанская армии настолько переплелись между собою, что их трудно отделить, а между тем письма ген[ерала] Деникина показывают обратное: во многих случаях он подчеркивает совершенно самостоятельное существование Добр[овольческой] армии вплоть до обладания ею особой территорией (Ставроп[ольская] и Черномор[ская] губ[ернии]), которых кубанцы, по-видимому, не касаются»[25].

Поражение Германии повлияло на судьбы Донского войскового правительства. Лишившись поддержки Германии и потерпев неудачу на фронте, Краснов подал в отставку. 19 февраля 1919 г. Дон возглавили атаман А. П. Богаевский, близкий к добровольческому командованию, и начальник штаба Донской армии В. И. Сидорин, известный своим нежеланием сотрудничать с немцами. Прибывший на заседание войскового круга Деникин в своей речи говорил о единой и неделимой России, об общей дружной работе в борьбе против врага Дона и России, и что тогда «Дон будет спасен»[26], и был встречен бурными овациями.

При Богаевском идея союза не умерла. Антибольшевистским силам Юга нужна была объединяющая сила, а штаб Деникина и Особое совещание справлялись с этой ролью плохо. Схему объединения правительств территорий, свободных от советской власти, предлагал бывший посол во Франции В. А. Маклаков: образовать из правительств Дона, Кубани, Крыма, Грузии, Украины единое российское правительство, которое явится верховной властью и которому должны беспрекословно подчиняться Добровольческая и всякая иная армия. Размышляя над вероятностью такого варианта развития событий, разжалованный в рядовые бывший генерал-лейтенант Л. М. Болховитинов писал: «Это слишком очевидно и чрезвычайно необходимо, а посему Добровольческая армия, привыкшая делать всё “наоборот”, конечно, на это не пойдет: вот тогда пройдут личные интересы и кумовство, а разве без этого можно им жить?! Бедная Россия!»[27]

На окраинах России существовало четыре очага сопротивления советской власти, вопрос о соподчинении которых имел особое значение. 12 октября 1918 г. Особое совещание при Верховном руководителе Добровольческой армии постановило не признавать Уфимское правительство как общероссийское при допущении возможности сношений с ним[28]. Но 12 июня 1919 г. генерал Деникин под давлением союзников и российских общественных деятелей признал верховную власть А. В. Колчака. И с позиции крайних самостийников он стал как бы не имеющим необходимых полномочий для ведения переговоров об организации власти.

26 июня 1919 г., во время успешного наступления ВСЮР, в Ростове-на-Дону состоялась конференция по организации ЮВС, названная Южнороссийской[29]. Причину реанимации идеи объяснил ее председатель В. А. Харламов: «Казачество как главная борющаяся сила будет нести [ответственность] за неправильную политику во вновь освобождаемых областях, ибо для нас несомненно, что вся ненависть широких масс опрокинется на казачество за все эксперименты губернаторов и иных рангов местной администрации, раз они будут действовать по указанию той власти, в которой мы не принимаем участие, и политику, которую мы не можем направлять, — всё это обрушится на казачество». Участниками конференции были представители Донского круга и некоторые члены войскового правительства, от Кубани — председатель Краевой рады

и члены обеих рад, от Терека — представитель правительства и члены Малого круга. Всего менее двух десятков человек. Наибольший интерес для собравшихся представляла позиция Кубани, которая, будучи защищенной соседями от фронтов с большевиками и под влиянием той части кубанского казачества, которые были потомками казаков-запорожцев, выступала с наиболее крайних самостийных позиций. Ее огласил председатель Кубанской краевой рады Н. С. Рябовол, который в число наиболее радикальных самостийников не входил. Вождем таковых был И. Л. Макаренко, входивший в делегацию Кубани.

Речь Рябовола включала следующие тезисы: обвинения в желании откололоться от России безосновательны, Кубанская рада выступает за создание авторитетной центральной власти в России, кубанцы всегда стремились иметь такую власть, но у них были возражения против способа ее формирования. Проект В. В. Шульгина, в котором вся полнота государственной власти передавалась главнокомандующему Добровольческой армии, а автономия сводилась к земскому самоуправлению, Рябовол назвал диктаторским. Хотя Добровольческая армия претендовала на доминирующее положение, Рябовол отводил ей право распоряжаться в Ставропольской и Черноморской губерниях. Он назвал несостоятельными надежды некоторых общественных кругов увидеть в Особом совещании зародыш будущей всероссийской власти, особенно после признания генералом Деникиным верховной власти Колчака. Судьбу России решит Учредительное собрание.

Следующий докладчик от Дона Харламов, занимавший также умеренную позицию, назвал главной задачей союза воссоздание государственного единства. Венцом этой работы будет Учредительное собрание. Особое совещание он назвал носителем старого приказного миропонимания, которое противоречит подлинной государственной демократии. Харламов напомнил, что накануне совещания Деникину и его правительству было сделано предложение о вхождении в союз на правах, равных казачьим областям, но оно не встретило сочувствия. 18 июня на заседании Особого совещания, накануне разговора с тремя атаманами и тремя председателями правительств, Деникин признал, что допустил крупную ошибку, не привлекши казачьи области к делу общегосударственного строительства. Он был намерен обдумать вопрос о привлечении их в состав Особого совещания.

Член Кубанской краевой рады И. Л. Макаренко выступил с резкой критикой Особого совещания. Он считал признание власти Колчака меняющим ситуацию на Юге: теперь юридически Деникин не имеет права без ведома и согласия Колчака вступать в те или иные соглашения с местными государственными образованиями, полностью выбывая из гражданской политической жизни. Представитель Терека В. И. Баскаков отмечал, насколько важно создать здоровую государственную традицию до того, как Юг попадет под реальную юрисдикцию Колчака. По его мнению, Особое совещание с его «наростами» и «атмосферой генеральского засилья» слишком явно напоминает прежний режим произвола и кумовства.

На следующий день заседания не возобновились из-за убийства Н. С. Рябовола в холле гостиницы «Палас». По-видимому, целью убийц был срыв конференции, а не расправа лично с Рябоволом. Первая Южнороссийская конференция закончила свою работу, приняв постановление общего характера.

Осенью 1919 г. возобновились совместные совещания членов конференции с уполномоченными Главнокомандующего ВСЮР, т.е. стал реализовываться формат, задуманный Деникиным. Ухудшение положения на фронте привело к тому, что Дон принял формулировки, обеспечивающие единоличный статус командующего. Тыловая Кубань не подписала соглашение, но выступила с инициативой создания нового органа — Верховного круга Дона, Кубани и Терека, который и открылся в Екатеринодаре 18 января 1920 г. Председателем Верховного круга был выбран «самостийник» И. П. Тимошенко, что позволяло ему оказывать давление на депутатов, добиваясь разрыва с Главнокомандующим ВСЮР. Но донские учреждения уже были эвакуированы в Екатеринодар, терские войсковые готовились к эвакуации. Они уже не могли решать вопрос о государственном строительстве на оставленной врагу территории. И лишь наследники запорожской вольницы — кубанцы-черноморцы, выступали за союз с Украиной и закавказскими государствами. Силы были равновесны. Поэтому 29 января 1920 г. Верховный круг принял условия Главнокомандующего ВСЮР о передаче ему оперативного управления всеми войсками Дона, Кубани и Терека, однако 29 марта 1920 г., за десять дней до окончания катастрофической эвакуации из Новороссийска, круг отменил все соглашения, заключенные ранее с Деникиным.

Последний всплеск активности в направлении донского автономизма произошел уже после оставления Дона и Кубани — через четыре дня после эвакуации из Новороссийска. 14 апреля 1920 г. донской атаман А. П. Богаевский обратился к А. И. Деникину, сообщая о намерении Дона получить дипломатическую поддержку европейских держав в защите своих государственных интересов. Атаман хватался за соломинку. Надежду ему давала нота союзников, адресованная Москве, о прекращении Гражданской войны в России. Богаевский писал: «Оросив кровью каждую пядь своей земли, отстаивая старинные вольности, Донское казачество не может помириться с поглощением его Советской Россией, и перед Правительством Дона встает вопрос об обеспечении интересов казачества дипломатическим путем»[30].

Поставить точку в истории ЮВС не дает вопрос, насколько точно воплощались в государственном устройстве Дона тех лет массовые представления казаков о собственной идентичности. Распад привычных институтов вызвал закономерную в таких случаях архаизацию моделей поведения и мышления. Дезориентированному сообществу представилось самым надежным возвращение к образам старины. Формула «Всевеликое войско Донское» является свидетельством жизнестойкости глубинных структур массового сознания.

Казаки недоумевали, когда матушка-царица Екатерина II жаловала им их собственную землю, за которую деды пролили немало своей и татарской крови,

глухо роптали на сатрапский произвол, без оглядки на казаков управлявший войском в интересах столичных министерств[31]. Остро хотели свободы с началом Великих реформ. Казак собирался в полк на собственные средства, заложив свой надел и оставив семью нищенствовать. Из них сделали всенародное пугало, наградив сомнительным титулом «опоры трона»[32]. Они мечтали о возвращении отнятого казачьего самоуправления, о возрождении круга, о ликвидации частнособственнического землевладения и превращении всего войскового клина в общинный.

Когда в апреле 1917 г. состоялся Войсковой казачий съезд, он вскрыл пласты архаических представлений. Будущий командарм 2-й Конной армии, а тогда войсковой старшина Ф. К. Миронов направил 19 апреля 1917 г. в адрес съезда приветствие: «К[азаки] 32-го полка шлют через меня привет съехавшимся атаманам вольного Дона, просят их надежды, чаяния угадать сердцем! Да здравствует федеративный Дон в границах времен Кондратия Булавина»[33].

С большой долей условности донское казачество можно разделить по отношению к независимости Дона. Взращенное в российских военных училищах высшее донское офицерство в большинстве своем ощущало себя частью общероссийской военной касты, но ощущение казачьей самобытности их не оставляло. В зависимости от событий соотношение этих настроений менялось. Испытывая давление центральной власти, они тосковали о древней вольности, но встречаясь с центробежными силами большей мощи, чем их собственные, донские казаки занимали государственническую позицию. Показательными являются суждения генерала В. А. Ажинова, атамана Донской зимовой станицы (посольства) при кубанском правительстве. Он был готов прокричать «Да здравствует Вольный Дон!» и «Ура единой и неделимой России!» с равной искренностью. Василий Александрович мог многократно приветствовать вольность Дона, но когда речь заходила о кубанских самостийниках, он был на стороне Добровольческой армии. Ажинов недолюбливал украинских и грузинских сепаратистов. Описание визита грузинской делегации в Екатеринодар пронизано иронией, его симпатии явно были на стороне командования Добровольческой армии[34]. Похожими были воззрения А. П. Богаевского, начальника войскового штаба генерала Сидорина.

Одной из целей разведки Добровольческой армии было выяснение взглядов донских генералов на независимость Дона. В июле 1918 г. подпоручик Федоров, сотрудник Новочеркасского пункта разведывательного отдела штаба Доброармии, назвав генерала С. В. Денисова[35] еще бóльшим сторонником Германии и врагом Добровольческой армии, чем атаман Краснов, отметил, что единственным защитником интересов России и Добровольческой армии был генерал Богаевский, девиз которого «сначала русский, а потом казак»[36].

Чем можно объяснить автономистскую линию атамана Краснова, помимо влияния внешних обстоятельств? Тем, что он принадлежал не только к военной, но и к культурной интеллигенции. «Донской златоуст» Митрофан Бо-

гаевский, помимо учительской стези, проявил себя как ученый-краевед, хранитель старинных традиций. Петр Краснов был третьим генералом в роду, известном своим казакоманством и склонностью к литературе. В 1900-е гг. он получил известность как писатель и журналист, как автор популярных исторических очерков «Картины былого Тихого Дона» и постоянный корреспондент газеты «Русский инвалид». Уроженец столицы Краснов впервые побывал на родине предков в 1904 г., в возрасте 35 лет. Подлечив ранение, полученное в Маньчжурии, офицер прибыл в отпуск в Новочеркасск и обнаружил признаки гибели родного казачества. О чем и написал статью в «Русском инвалиде» (1904. № 19, 25). Местные жители не приняли ностальгических исканий «петербургского казака». А столичный романтик не понял реакции живущих на Дону, когда жаловался: «Я много писал о донских казаках, но казаки относились ко мне с недоверием»[37].

Казачьим низам было проще. Они всегда различали Дон и Россию, себя и русских. Поэтому заверение атамана Краснова, что Донская армия имеет задачей исключительно изгнание из пределов области пришлых красногвардейских грабительских банд[38], было воспринято с пониманием. Выйдя на границы области с Воронежской и Саратовской губерниями, казачьи полки остановились, отказываясь выполнять приказ о переходе границы. А. П. Фицхелауров, командующий войсками Усть-Медведицкого района, убеждал их, что целью является установление нейтральной полосы по периметру границ области — для большей безопасности жителей Дона: «Пусть знает каждый казак, что ни о каких захватах чужой территории, ни о ка[ких] насилиях над зарубежными братьями нашими, крестьянами, мы не помышляем. Пусть знает каждый, что Дон восстал не против русского народа, а против тех насильников и разбойников, которые потоками крови казачьей хотели залить наш [род]ной край, хотели поработить искони вольный и независимый Дон. Пусть знает каждый, что, стоя на страже своей независимости, мы уважаем и це[ним] свободу каждого народа устраивать свою жизнь согласно своему историческому быту и [у]кладу, и никаких указок со стороны мы не признаем»[39].

Идею независимого Дона низы принимали, но воевать за нее, за Войсковой круг не хотели. Все приказы о мобилизации игнорировались. В январе 1918 г. они считали атамана Каледина разжигателем Гражданской войны. Большую роль в мобилизации низов сыграло войсковое среднее звено (окружные и станичные атаманы, начальники полиции и пр.), однако по мере расширения боевых действий с большевиками автономистские идеи в массах затухали. Было ясно, что один Дон не выстоит. Примечательно, что при атамане Богаевском идея союза обсуждалась уже без явного участия войсковой администрации.

Инициатором создания ЮВС по типу конфедеративного государственного объединения выступал Дон, что связано с его географическим положением «пробки», закрывающей юг с севера. Идея союза формировалась, испытывая влияние двух факторов — ослабления связей с центром и другими регионами

страны и актуализации глубинных автономистских представлений донских казаков. Она была призвана компенсировать первое и удовлетворить старинные чаяния, давно не проверявшиеся реальной жизнью. Эти проекты в одних условиях были опорой для суверенитета Дона, в других — мыслились как основа будущей общероссийской власти. В силу внутренней противоречивости в случае воплощения в жизнь их ожидала бы серьезная трансформация.

---

1 Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 861. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–8.
2 ГАРО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 103. Л. 118.
3 ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4027. Л. 2.
4 Там же. Д. 4028. Л. 69.
5 ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 19. Л. 3 — 4 об.
6 ГАРО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 78. Л. 2.
7 ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 19. Л. 18–19, 26, 27.
8 ГАРО. Ф. 863. Оп. 1. Д. 212. Л. 3.
9 *Карпенко С.* Добровольческая армия и казачий «Юго-Восточный союз»: разные пути возрождения России // Обозреватель. 2012. № 10 (273). С. 119–120.
10 Петроградский военно-революционный комитет: док-ты и материалы. Т. 3. М., 1967. С. 350, 351.
11 Известия. 1917. № 236, 25 ноября.
12 ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 11. Л. 17–18.
13 ГАРО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 10. Л. 21–26, 30–37, 67–74, 78–85.
14 ГАРО. Ф. Р-3440. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.
15 ГАРО. 000.1ксф.14454.16.
16 ГАРО. Ф. 213. Оп. 3. Д. 962. Л. 87.
17 Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 16 об.
18 Там же. Л. 78 — 78 об.
19 Замыслом этого письма атаман П. Н. Краснов поделился в письме генерал-майору Я. Д. Юзефовичу, содержание которого передал Б. Казановичу некий казачий генерал Б. (вероятно, А. П. Богаевский). В свою очередь Казанович осведомил об этом И. П. Романовского. Там же. Л. 39–41.
20 *Венков А. В.* Идея Доно-Кавказского союза и Южно-русского союза в 1918 г. // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 176.
21 ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 11. Л. 167.
22 Там же. Д. 9. Л. 242 — 242 об., 248 — 248 об.
23 ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4187. Л. 2; Ф. 856. Оп. 1. Д. 4. Л. 121; Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 590. Л. 1-2.
24 ГАРО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 22. Л. 112.
25 ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 9. Л. 257 — 257 об.
26 ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 108. Л. 1 — 12 об.
27 РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 230 — 230 об.
28 Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918 — декабрь 1919 года / Отв. ред. и сост. Б. Ф. Додонов. М., 2008. С. 7.
29 ЦДНИРО. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 173. Л. 89–105.
30 РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 170. Л. 25 — 25 об.

[31] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1 об.
[32] *Морозова О. М.* О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в. — 1920 г.) // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 105–119.
[33] ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.
[34] ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; Д. 11. Л. 223.
[35] С. В. Денисов, начальник штаба Донской армии в период атаманства П.Н. Краснова.
[36] РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 170. Л. 10 об.
[37] ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 637. Л. 147–150.
[38] ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 22. Л. 56.
[39] ГАРО. Ф. 856. Оп. 1. Д. 71. Л. 5.

References

Karpenko S. *Dobrovol'cheskaja armija i kazachij Jugo-Vostochnyj sojuz: raznye puti vozrozhdenija Rossii* // Obozrevatel'. 2012. N 10 (273). S. 118–128.

Morozova O. M. *O samoidentifikacii kazach'ego naselenija Dona (XVIII v. — 1920 g.)* // Kazachestvo Rossii: proshloe i nastojashhee: Sbornik nauchnyh statej. Vyp. 2. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuNC RAN, 2008. S. 105–119.

Petrogradskij Voenno-revoljucionnyj Komitet: dok. i materialy. V 3 t. T. 3. Moscow, 1967.

Venkov A. V. *Ideja Dono-Kavkazskogo sojuza i Juzhno-russkogo sojuza v 1918 g.* // Novoe proshloe. 2019. N 2. S. 168–182.

Zhurnaly zasedanij Osobogo soveshhanija pri Glavnokomandujushhem Vooruzhennymi Silami na Juge Rossii A. I. Denikine. Sentjabr' 1918-go — dekabr' 1919 goda / Otv. red. i sost. B. F. Dodonov. Moscow, 2008.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

О. М. Морозова. Государственное строительство казачьего Юга в 1917–1919 гг. Проекты и реальность // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 154–168

Аннотация: Оформлению идеи Юго-Восточного союза способствовали факторы дезинтеграции экономического, а потом и политического характера, вызванные состоянием общероссийской власти. В среде донских казаков эта идея формировалась на основе стабильных представлений о праве на владение землей Дона и праве на самоопределение с учетом своих особых интересов. Степень автономизма в политике Донского казачьего правительства менялась в зависимости от текущих событий и фигуры войскового атамана. Атаман П. Н. Краснов был известен как сторонник большей независимости Дона, чем атаман А. П. Богаевский. Идея Юго-Восточного союза не исчезала окончательно. В одном случае она была инструментом демонстрации суверенного статуса Дона, в другом эта структура рассматривалась как основа будущей общероссийской власти. Стремление донского казачества к объединению с другими казачьими войсками Юга России было связано с тем, что Дон прикрывал от советской Красной армии территории остальных казачьих войск. В связи с этим донская армия нуждалась в ресурсах всего региона. Эти намерения не встречали поддержки Кубанской рады. Командование Вооруженными силами Юга России последовательно препятствовало оформлению союза казачьих войск, пока уже на завершающем этапе своего пребывания в регионе не заявило о полезности этой идеи.

Ключевые слова: Юго-Восточный союз, Доно-Кавказский союз, Дон, Кубань, казачий автономизм.

FOR CITATION

O. M. Morozova. State Building on the Cossack South, 1917–1919: Projects and Reality // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 154–168

Abstract: The idea of the Southeastern Union was shaped by factors of disintegration of an economic, and then political nature, caused by the state of the all-Russian governance. Among the Don Cossacks, this idea was formed on the basis of stable ideas about the right to own the land of the Don and the right to self-determination, taking into account their special interests. The degree of autonomisme in the politics of the Don Cossack government changed depending on current events and the figure of the military chieftain. Ataman P. N. Krasnov was known as a supporter of a greater degree of independence of the Don than ataman A. P. Bogaevsky. The idea of a Southeastern Union, or other alliance with the peoples of the region, did not disappear completely. In one case, it was a tool to demonstrate the sovereign status of the Don, in the other, this structure was considered as the basis of future all-Russian power. The desire of the Don Cossacks to unite with other Cossack troops of the South of Russia was due to the fact that Don protected the territory of the remaining Cossack troops from the Soviet Red Army. In this regard, the Don army needed the resources of the entire region. These intentions did not meet the support of the Kuban Council. This was due to the rear position of the region and the influence in the Kuban power institutions of adherents of full state independence of the Kuban. The command of the Armed Forces of the South of Russia consistently prevented the formation of an alliance of Cossack troops, but at the final stage of their stay in the region declared the usefulness of this idea.

Key words: Southeastern Union, Don Caucus Union, Don, Kuban, Cossack autonomisme.

Автор: **Морозова, Ольга Михайловна** — д. и. н., доцент Донского государственного технического университета.

Author: **Morozova, Olga Mikhailovna** — Dr. of Sciences, assistant professor, Don State Technical University.

E-mail: olgafrost@gmail.com

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8232-8189